

Бракъ и вѣнчаніе на царство.

Несомнѣнно, рѣшеніе Ивана явилось не столь внезапно, какъ это принято думать многими. Уже въ 1543 году изъ Москвы было отправлено посольство въ Польшу. Во главѣ его стояли Ѳеодоръ Ивановичъ Сукинъ и Истома Стояновъ, которымъ было поручено наметнуть при польскомъ дворѣ, что государю ихъ уже пора подумать о бракѣ (*Бантъиш-Каменскій*, Переписка между Россіей и Польшей, Чтенія Общества исторіи и древностей 1860 г., стр. 72). Вѣроятно, дѣлались и другія попытки въ томъ же направленіи,—но всѣ онѣ потерпѣли неудачу. Только послѣ этого отказался честолюбивый Иванъ отъ мысли путемъ брака съ иноземкою вернуться къ традиціямъ Ярослава. Но во всякомъ случаѣ, онъ рѣшилъ вознаградить себя за эти неудачи. На другой день послѣ объявленія его воли, въ Успенскомъ соборѣ было служеніе. По его окончаніи, собравъ бояръ, Иванъ объявилъ имъ, что намѣренъ «исполнить чинъ» и сѣсть не на великое княженіе, какъ предки, а на царство. Другими словами, онъ хотѣлъ принять титулъ, котораго предшественники его еще формально не носили.

На тогдашнемъ языкѣ титулъ царя былъ равносильнъ императорскому. Правда, онъ уже нѣсколько утратилъ свое величіе. Это случилось тогда, когда распалось монгольское владычество; множество мелкихъ татарскихъ князей,—порою бывшихъ данниками Москвы или простыми правителями ея областей, присваивали себѣ царское званіе. Но, вѣдь, этотъ же санъ носили когда то и византійскіе императоры! А новая столица православія, Москва, только и мечтала о возстановленіи великой Восточной державы. Весьма широкое

содѣйствіе этому плану оказывала тогдашняя церковная литература. Въ каноническихъ книгахъ на славянскомъ языкѣ титуломъ царей безразлично обозначали самыхъ разнообразныхъ государей. Въмѣстѣ съ Іудейскими, Ассирійскими, Египетскими и Вавилонскими царями этимъ именемъ назывались и Римскіе, и Византійскіе императоры. Этого мало. При помощи постоянныхъ намековъ и хитроумныхъ сближеній читателю навязывалась идея объ исторической преемственности, будто бы соединяющей московскихъ государей со всѣми этими предшественниками. Мало-по-малу это своеобразное навожденіе овладѣвало и національнымъ сознаніемъ. Въ Апокалипсисѣ упоминалось какое-то «шестое царство». Являлся вопросъ: развѣ это не прямое указаніе на московскую державу? Далѣе, — развѣ еще до брака Ивана III съ Софіей не приобрѣлъ домъ Рюрика въ лицѣ Владиміра Мономаха всѣхъ правъ на наслѣдіе и Порфирородныхъ, и Константина Великаго и самихъ римскихъ кесарей? Какъ мы видѣли, идея третьяго Рима втеченіе вѣковъ жила въ славянскомъ мірѣ. То была, въ нѣкоторомъ родѣ, историческая греза; однако, она постоянно искала случая гдѣ-нибудь превратиться въ дѣйствительность. Пали славянскія государства Болгаръ и Сербовъ. Завоеванъ былъ турками Балканскій полуостровъ: тогда, естественно, этой идеѣ ничего не оставалось, какъ только перекочевать на сѣверъ, въ московское государство. Въ 1382 г. прибылъ въ Москву болгаринъ Кипріанъ, чтобы занять престолъ митрополита. Съ нимъ явилась и вся та идеологія, которую еще въ Тырновѣ создавалъ извѣстный Евѣимій. Въ Москвѣ для нея оказалась весьма благопріятная почва. Какъ только Константинополь былъ захваченъ турками, угнетенные славяне Юга окончательно перенесли на Москву всѣ свои надежды. Сербъ Пахомій даже влагаетъ въ уста самому Іоанну Палеологу торжественное признаніе царскаго достоинства за московскими государями. У другихъ писателей та же самая идея находила себѣ опору въ священныхъ преданіяхъ. Раньше всѣ пророческія предсказанія были перенесены на Александра Болгарскаго. Теперь приходилось только на мѣсто одного славянскаго государя поставить другого: для этого уже не требовалось особой работы мысли. Согласно греческимъ преданіямъ, Измаилу суждено было пасть отъ *Русаго* рода: этотъ русый родъ легко превратился въ *русскій*. Какъ извѣстно, множество подобныхъ легендъ византійскаго происхожденія было распространено среди славянскаго міра. Нѣкоторыя изъ нихъ проникали и дальше, на Западъ, то переплетаясь

съ нѣмецкой поэмой объ Аполлоніи Тирскомъ, то воскресая въ старыхъ французскихъ романахъ объ Оберонѣ или Гюонѣ Бордосскомъ. Одна изъ наиболѣе распространенныхъ легендъ овѣствовала о томъ, что императоры изъ дома Порфирорадныхъ получили знаки своего царственного достоинства изъ Вавилона, куда посылалъ за ними императоръ Левъ. Другія преданія рассказывали, что эти «царскія утвари» были переданы Владиміру Мономаху или Владиміру Святому. Въ «Степенной Книгѣ» Макарій цѣлымъ ученымъ трактатомъ доказывалъ, что Владиміръ, умирая, завѣщалъ эту святыню своему шестому сыну—Юрію. Ему будто бы онъ повелѣлъ, чтобы онъ самъ и его потомство хранили эти утвари до той поры, пока не найдется на Руси князя, который сможетъ ими воспользоваться. Уже съ XI—XII вѣка славянскіе генеалогисты выводили домъ Асѣня отъ одной знатной римской фамиліи; такъ же точно въ XIV столѣтіи они старались породнить сербскихъ Нѣманей съ императоромъ Константиномъ и даже съ Августомъ. Макарію оставалось только слѣдовать такому примѣру. Онъ имъ и воспользовался, когда ввелъ въ житіе святой княгини Ольги какого-то Прусса, брата Августа и предка Рюрика.

Вотъ какой титулъ намѣревался присвоить себѣ Иванъ Васильевичъ. Слово *царь* окружено было легендами и символами, славными воспоминаніями и честолюбивыми мечтами. И вмѣстѣ съ тѣмъ оно сплеталось съ дѣйствительностью—живою и доступною осязанію:

Вѣнчаніе Ивана на царство происходило 16-го января 1547 года. Было сдѣлано все, чтобы придать ему возможно больше торжественности. При огромномъ стеченіи народа, среди праздничнаго звона колоколовъ какъ бы сочетались воедино величіе Церкви и весь блескъ государственной власти. Епископы, священники и монахи возносили къ Богу мольбы о ниспосланіи новому царю духа правды и разума. Бояре разбрасывали кругомъ цѣлый дождь золотыхъ монетъ—предвѣстіе тѣхъ даровъ счастья, которыя ожидали Ивана. Однако, этотъ наслѣдникъ греческихъ и римскихъ императоровъ не рѣшился освѣдомить иностранныхъ державы о своихъ притязаніяхъ. Онъ помнилъ, какъ неудачны были подобныя попытки и отца его, и дѣда. Въ 1514 г., повидимому, съ согласія императорскаго посла Снитцпаннера, Василій попробовалъ было именовать себя кесаремъ въ договорѣ съ Максиміліаномъ. Однако, Вѣна опротестовала дѣйствія своего уполномоченнаго и отказалась подписывать договоръ въ такой редакціи. Что касается Польши, то, конечно, какъ и раньше, на ея согласіе рассчиты-

вать было невозможно. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми мелкими германскими княжествами большую сговорчивость проявляли только константинопольскіе патріархи. Мы уже сказали, что для православной Церкви Москва оставалась послѣднею надеждой. И, все же, до 1561 года Иванъ не рѣшался и здѣсь выступить со своими притязаніями. Только въ указанномъ году, въ ореолѣ недавнихъ и самыхъ шумныхъ своихъ успѣховъ, онъ рѣшился попытать счастья съ этой стороны. Разумѣется, его просьба къ патріарху подкрѣплена была весьма значительнымъ даромъ. И, однако, успѣхъ ея былъ болѣе, чѣмъ скромный. Конечно, патріархъ Іоасафъ призналъ Ивана царемъ и потомкомъ царевны греческой Анны. Онъ даже предложилъ московскому государю еще разъ совершить надъ нимъ обрядъ вѣнчанія при участіи особо назначеннаго митрополита. Но это показалось уже излишнимъ. Во всякомъ случаѣ, изъ 37 подписей, скрѣплявшихъ утвердительную грамоту, присланную по этому поводу въ Москву изъ Константинополя, 35 впоследствии оказались подложными (*Pierling, La Russie et le Saint-Siège; Милоковъ, Очерки по исторіи русской культуры, III, 71 стр. Regel, Analecta Byzantino Rossica, 1891*).

Православная Церковь уклонялась отъ рѣшительнаго отвѣта. Правда, патріархи Александрійскій и Антиохійскій наперерывъ спѣшили признать совершившійся фактъ. Правда, что Іерусалимскій патріархъ пошелъ еще дальше и провозгласилъ новаго царя главою христіанства. Масса духовенства занимала совершенно иное положеніе. Такимъ образомъ, въ ту самую католическую, греко-русскую церковь, гдѣ московскому государю какъ будто принадлежало верховенство, царская власть его проникала лишь съ трудомъ,—нагнувшись и даже оступившись на порогъ. Но для русскаго народа этихъ унижительныхъ подробностей не существовало. Былинная поэзія свободно смѣшивала событія и эпохи; національная гордость и народное воображеніе сообща набрасывали чудесный покровъ на это темное начало русскаго царства и на его первыя неудачи. Теперь посланецъ за «царскими утварями» уже держалъ путь изъ Вавилона въ Царьградъ лишь для того, чтобы узрѣть восточную державу—въ развалинахъ, а Церковь православную—въ опасности. Теперь отъ береговъ Босфора онъ уже направлялся на Волгу, чтобы подъ стѣнами Казани обрѣсти истиннаго защитника Церкви, побѣдителя мусульманъ... Московскіе художники, украшавшіе символическій тронъ Ивана, донинѣ хранящійся въ Успенскомъ соборѣ, прибавили новые вымыслы къ этимъ

сказаніямъ. И такъ, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ своей обширной державы, Иванъ оказался въ ореолѣ величія и славы. Несомнѣнно, ни одному изъ его предшественниковъ не выпадало на долю такого счастья.

Но и въ бракѣ Ивану суждено было насладиться блаженствомъ, какого не вкусилъ, безспорно, никто изъ его предковъ. На сей разъ выборъ супруги долженъ былъ произойти согласно обычаю старины. Всѣмъ дѣвицамъ на возрастѣ, принадлежавшимъ къ семьямъ служилыхъ людей, приказано было явиться въ Москву. Для пріема были отведены огромныя палаты. Въ каждой изъ комнатъ тамъ стояло по 12 постелей. По свидѣтельству Франциска да-Колло, къ первому браку Василя было собрано 500 красавицъ; Герберштейнъ по тому же поводу рассказываетъ о 1500 дѣвицахъ. Несомнѣнно, однако, что выборы эти не могли быть одностепенными: первоначальный отборъ дѣвицъ долженъ былъ происходить еще на мѣстахъ. Тотъ же самый порядокъ существовалъ и въ Византіи. Тамъ областные правители получали подробнѣйшія наставленія на счетъ выбора съ указаніемъ роста дѣвицъ и другихъ требуемыхъ качествъ. Когда въ сералѣ собирались всѣ кандидатки, туда являлся самъ властелинъ въ сопровожденіи одного изъ старѣйшихъ вельможъ. Слѣдуя по покоямъ, онъ дарилъ каждой изъ красавицъ по платку, вышитому золотомъ съ драгоценными камнями: этотъ платокъ онъ набрасывалъ дѣвицѣ на шею. По окончаніи выбора всѣ дѣвушки разсылались по домамъ съ новыми подарками.

Такъ въ 1547 году Иванъ избралъ себѣ въ жены Анастасію—дочь покойнаго Романа Юрьевича Захарыина-Кошкина. Отецъ Анастасіи былъ представителемъ стараго боярства. Среди гибели княжескихъ родовъ онъ сумѣлъ, однако, сохранить близость къ престолу и остаться чуждымъ той жестокой борьбѣ за власть, отъ которой столько страдалъ молодой царь. Вполнѣ возможно, что въ данномъ случаѣ выборъ невѣсты явился простой формальностью. Захарыины-Кошкины были подлинными баловнями счастья. Одному изъ братьевъ Анастасіи суждено было положить основаніе еще болѣе славному дому: отъ него произошли впослѣдствіи Романовы. Вмѣстѣ съ Шереметьевыми, Колычевыми и Кобылиными, Захарыины-Кошкины слыли за потомковъ нѣкоего Андрея Кобылы. Лѣтописи считали его выходцемъ изъ Пруссіи. Однако, съ теченіемъ времени національное самолюбіе замѣнило Пруссію Новгородомъ. Это было не трудно, ибо въ Новгородѣ

была особая часть, жители которой именовались пруссами. Впрочем, едва ли можно оспаривать славянское происхождение Кобылы. Это ясно из самаго имени Андрея. Извѣстно, помимо того, что теперешняя столица Германіи лежитъ въ области, нѣкогда принадлежавшей славянамъ.

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ подробныхъ свѣдѣній относительно брака Ивана IV. Но то, что сказано было въ предшествующей главѣ, вполне примѣнимо и къ данному случаю. Мы видѣли, что Василій страстно любилъ жену Елену: не менѣе увлеченъ былъ своей супругой и сынъ его, Иванъ. Много лѣтъ спустя будетъ онъ вспоминать съ горькимъ сожалѣніемъ о радостяхъ союза съ Анастасіей, прерванныхъ судьбою слишкомъ рано. Повидимому, въ этомъ бракѣ онъ находилъ полнѣйшее удовлетвореніе тѣлесныхъ и духовныхъ потребностей. Однако, его медовый мѣсяцъ скоро былъ нарушенъ самымъ жестокимъ образомъ. Бракъ состоялся 3 февраля 1547 года; не прошло и 3 мѣсяцевъ, какъ въ Москвѣ вспыхнулъ пожаръ, уничтожившій цѣлую часть города. Это вывело Ивана изъ сладкаго покоя, въ которомъ окружающіе готовы были видѣть залогъ лучшаго будущаго. Пригожая и ласковая царица Анастасія казалась ангеломъ хранителемъ, посланнымъ русскому государству съ неба: многіе надѣялись, что она спасетъ Ивана отъ вспышекъ его раздражительности; многіе мечтали, что жизнь русскаго народа потечетъ теперь спокойно. Однако, это было только самообманомъ. Вліяніе Анастасіи было, несомнѣнно, преувеличено: страна сказокъ, Русь осталась и здѣсь вѣрна своей природѣ. Видимая перемѣна въ характерѣ Ивана отнюдь не свидѣтельствовала о какомъ-либо коренномъ душевномъ переворотѣ. На нѣкоторое время Иванъ какъ будто дѣйствительно смягчился; но вскорѣ нравъ его обнаружился вновь самымъ бурнымъ образомъ 30 іюня 1547 года къ царю явились псковичи—тоже съ жалобой на своего намѣстника. Иванъ ихъ встрѣтилъ еще менѣе привѣтливо, чѣмъ нѣкогда новгородскихъ пищальниковъ. Ему вспомнились жестокія потѣхи дѣтскаго возраста: онъ приказалъ жечь псковичей, обливъ ихъ предварительно водкой. Затѣмъ онъ велѣлъ сорвать съ нихъ одежду: очевидно, имъ надо было ждать страшнаго конца. Однако, на счастье злополучныхъ псковичей, внезапная случайность отвлекла вниманіе Ивана въ другую сторону. Вся эта потѣха съ псковичами разыгралась невдалекѣ отъ столицы, въ Островкѣ. Вдругъ туда

прискакалъ гонецъ съ дурными вѣстями изъ Москвы: большой кремлевскій колоколъ сорвался съ колокольни. То было зловѣщее предзнаменованіе: по понятіямъ времени, за нимъ должны были послѣдовать еще большія несчастія. На этотъ разъ примѣта оказалась вѣрной. Вскорѣ произошли страшныя событія, которыя выдвинули новыхъ людей и сообщили царствованію Ивана совершенно особый характеръ. Иванъ тотчасъ забылъ о своихъ жертвахъ. Онъ потребовалъ коня и поскакалъ на мѣсто происшествія.
